

Научная статья
УДК 811.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-95
EDN: ODNFJX

Система причастий в русском языке: основные тенденции развития

Юлия Юрьевна Саминская

Аспирант института русского языка и культуры, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 1
saminskaya@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0707-9763>

Аннотация. Цель данной статьи – проанализировать систему причастий в динамике (с древнерусского периода по настоящее время), выявить причины, обуславливающие нестабильность и изменчивость этой специфической формы глагола. Актуальность обращения к данной проблеме обусловлена необходимостью выявления основных тенденций развития причастий с применением теории грамматикализации, позволяющей выявить закономерности формирования грамматических систем разных языков. В ходе исследования были использованы методы наблюдения, описания, классификации, структурный, количественный. В результате проведенного исследования установлено, что существенные преобразования в системе причастий в процессе исторического развития обусловлены их двойственной природой. Выявлены и описаны процессы грамматикализации и лексикализации, произошедшие в системе причастий за период с древнерусского языка по настоящее время: 1) образование из именных действительных причастий деепричастий, специализирующихся на функции полупредикативности и употребляющихся в односубъектных конструкциях с основным предикатом-сказуемым; 2) замена разветвленной претеритальной временной системы одной формой прошедшего времени – бывшим причастием с суффиксом *ль*; 3) утрата грамматических форм перфекта и плюсквамперфекта и выражение перфектной семантики за счет лексического значения личных и причастных форм и контекста; 4) приобретение краткими страдательными причастиями СВ с суффиксами *-н/-т* грамматической функции пассива в залоговой оппозиции с активом, выраженным личными формами СВ. Установлено, что в современном русском языке причастия остаются нестабильным классом слов, о чем свидетельствуют следующие явления: процесс их массовой адъективации, функционирование причастий будущего времени, способность выражения причастиями ирреальной модальности и преодоления ими парадигматических ограничений в определенных условиях контекста.

Ключевые слова: причастие; грамматикализация; лексикализация; перфект; адъективация; причастия будущего времени; категория залога; ирреальная модальность

Для цитирования: Саминская Ю. Ю. Система причастий в русском языке: основные тенденции развития // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 95–101. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-95>. <https://elibrary.ru/ODNFJX>

Original article

The system of participles in the russian language: the main evolution trends

Yulia Yu. Saminskaya

Postgraduate student at the institute of russian language and culture, Lomonosov Moscow state university. 117218, Moscow, Krzhizhanovsky str., 24/35, bld. 1
saminskaya@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0707-9763>

Abstract. The aim of the article is to analyze the system of participles in dynamics from the Old Russian period to the present day, and to define the reasons for instability and variability of this specific form of the verb. The relevance of the research stems from the need to understand the main trends in the participle development through the theory of grammaticalization, which makes it possible to reveal the laws of forming grammatical systems in different languages. The study uses the methods of observation, description, classification, as well as structural and quantitative methods. The results of the research show that significant transformations in the system of participles throughout their historical development are caused by their dual nature. The author describes the processes of grammaticalization and lexicalization that have taken place in the system of participles from Old Russian to the present day: 1) nominative

active participles form adverbial participles, functioning as a semi predicative and used in a single subject constructions with the main predicate; 2) single past form, i.e. former participle with the suffix -ль', replaces a complex preterit tense system; 3) perfect and plusquamperfect forms and expression of perfect semantics are lost due to the lexical meaning of personal and participle forms and context; 4) short passive perfective participles with -н/-т suffixes acquire passive form in voice opposition to active, expressed by perfective personal forms. The following phenomena indicate that in the modern Russian language participles remain an unstable class of words: the process of their mass adjectivization, functioning of future tense participles, the ability to express unreal modality, overcoming paradigmatic restrictions in certain contextual conditions.

Key words: participles; grammaticalization; lexicalization; perfect; adjectivization; future tense participles; the voice category; unreal modality

For citation: Saminskaya Yu. Yu. The system of participles in the Russian language: the main evolution trends. *Verhnevolski philological bulletin*. 2025;(1):95–101. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-95>. <https://elibrary.ru/ODHFJX>

Введение

Причастие в русском языке – динамично развивающаяся форма глагола, с которой связаны разнообразные процессы грамматикализации, лексикализации, конверсии, преодоления парадигматических ограничений. Эти активные процессы обусловлены, очевидно, двойственной природой причастия, сочетающей глагольные и адъективные признаки.

Причастия обозначают процесс, совмещенный с семантикой признаковости, имеют глагольные и адъективные грамматические категории. В современном русском языке имеются полные и краткие причастия, несколько различающиеся набором грамматических категорий и синтаксическими функциями. Краткие причастия в отличие от полных очень предикативны, функция определения возможна для них только в случае употребления их в составе обособленного определения. Следует уточнить, что в современном русском языке краткие формы возможны не у всех разрядов причастий, например, их нет у действительных причастий настоящего и прошедшего времени. В древнерусском языке ситуация была иная, однако в дальнейшем краткие (именные, нечленные) формы действительных причастий настоящего и прошедшего времени преобразовались в деепричастия. При адъективации эти причастия могут употребляться в краткой форме: «– Нет, брат, ты этого не говори: Базаров умен и **знающ** (И. Тургенев); **Реформы были столь впечатляющ** и успешны, что не оставляли надежды на революционную агитацию народолюбцев (В. Лебедев)» [Морфология современного русского языка, 2013, с. 474]. Возможны, но редко употребляются краткие формы у страдательных причастий настоящего времени. До середины XIX в. они были более частотны, что подтверждается и данными Национального корпуса русского языка. В современном русском языке немногие глаголы

несовершенного вида (НСВ) образуют краткие формы страдательных причастий настоящего времени, употребляющиеся в качестве компонента аналитических форм страдательного залога: «*А вот я был **ненавидим**, **ненавидим** хорошенькой девушкой и на себе самом мог изучить симптомы первой ненависти (А. Чехов); В это ощущение входило и то, что она нравится, **любима**, из-за нее мучаются Грифонов)» [Морфология современного русского языка, 2013, с. 474].*

Только страдательные причастия прошедшего времени совершенного вида (СВ) регулярно образуют краткие формы: *доставленный – доставлен, запечатанный – запечатан, очерченный – очерчен* и т. п. Следует учитывать, однако, что краткие формы от этих причастий подверглись грамматикализации, выступая членом залоговой оппозиции с личными формами глагола (*Писатель **написал** новый роман – Роман **написан** писателем, Садовник **вскопал** грядки – Грядки **вскопаны** садовником*). Тем самым краткие причастия, выступающие знаменательным компонентом личных аналитических форм пассива, не совсем равноценны полным причастиям, являющимся в полной мере адъективными репрезентантами глагольного признака.

Не существует однозначного мнения относительно характера категории времени в атрибутивных причастиях – абсолютное или относительное время? На наш взгляд, причастия, будучи второй глагольной формой, всегда имеют относительное время наряду с абсолютным, так как соотносятся не только с моментом речи, но и со временем совершения действия основного предиката.

Итак, система причастий представлена четырьмя основными разрядами, различающимися по времени и залогу. Важно также учитывать, что действительные причастия возможны и от всех возвратных глаголов: *читающийся, читавшийся*.

Причастия очень легко адъективируются – переходят в систему прилагательных, причем разные разряды причастий подвержены этому процессу в разной степени. Легче всего переходят в прилагательные страдательные причастия СВ, очевидно, вследствие их результативности, способствующей актуализации в них семантики признаковости, а не процессности.

Причастия привлекали внимание ученых в синхронном и диахроническом аспектах [Буланин, 1986; Замятина, 2009; Колочкова, 2011; Годизова, Каркузаева, 2021; Кунавин, 2022 и др.]. Двойственная природа причастий позволяет по-разному интерпретировать их частеречный статус [например, Буланин, 1986; Кунавина, 2016 и др.].

Для того, чтобы понять процессы, происходящие в причастиях, основные тенденции их развития, необходимо, очевидно, обратиться к их истории. Целью данной статьи является анализ системы причастий в динамике (с древнерусского периода по настоящее время), выявление причин нестабильности и изменчивости этой особой формы глагола.

Материал и методы исследования

В ходе исследования были использованы традиционные лингвистические методы: наблюдения, описания, классификации, структурный, количественный.

В качестве языкового материала, позволяющего делать заключения о частотности тех или иных процессов в системе причастий на разных хронологических срезах, привлекались данные Национального корпуса русского языка.

Результаты исследования

В древнерусском языке, кроме традиционных разрядов причастий, имелись еще причастия на *ль*, основным назначением которых было служить компонентом аналитических временных форм (перфекта, плюсквамперфекта, будущего времени) и сослагательного наклонения глагола. Степень употребительности действительных и страдательных причастий, а также полных (членных) и кратких (нечленных) форм существенно различалась: действительные причастия употреблялись в десятки раз чаще страдательных, а краткие причастия – в десятки раз чаще полных. Причастие отличалось большей степенью предикативности, о чем свидетельствует, например, тот факт, что они соединялись с основным глагольным сказуемым при помощи сочинительных союзов и сохраняли тесную связь с подлежащим. Лишь во второй по-

ловине XVII века наметилась тенденция к устранению союза между деепричастием (бывшим причастием) и глаголом, а окончательная утрата его произошла в XVIII веке [Кунавин, 2022].

Очевидно, этот изначальный уклон в сторону предикативности обусловил процессы грамматикализации в системе причастий: возникновение из именных действительных причастий на *-въ* деепричастий, специализирующихся на полупредикативной функции, и стремление причастий на *-ль* к функции основного предиката, заполнение ими ниши претерита взамен разрушенной бывшей разветвленной системы прошедших времен, включавшей аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект. Первый процесс – образование деепричастий из причастий – обусловлен стремлением именных действительных причастий к употреблению исключительно в односубъектных конструкциях, что способствовало утрате ими форм словоизменения, то есть согласование с подлежащим у этих причастий становилось избыточным, так как они относились к тому же подлежащему, что и глагольное сказуемое [Кунавин, 2022].

Второй процесс был связан с развитием грамматической категории вида, в связи с чем отпала необходимость в аористе и имперфекте, различия между которыми проявлялись именно в характере протекания действия во времени (аорист обозначал прошедшее действие как конкретный факт, а имперфект – прошедшее длительное действие в процессе протекания). Утрату составных форм прошедшего времени с двойственной семантикой (перфекта и плюсквамперфекта) можно объяснить их лексикализацией – процессом, происходящим наряду с грамматикализацией. В результате лексикализации перфектные формы утратились в качестве грамматических, хотя сама двойственная временная семантика осталась и стала выражаться лексически и контекстуально: для СВ перфектное значение возможно при благоприятном лексическом значении (результатом действия является состояние, продолжающее существовать в более позднем временном плане, например, *он покраснел* – покраснел в прошлом, сейчас он красный), а для НСВ актуальность последствий прошедшего действия в большей степени обусловлена контекстом и ситуацией (такое значение часто называют «перфектом опыта», например, «*Он много видел, образован*»). Следует подчеркнуть, что в современном русском языке перфект представляет собой довольно сложное явление, с которым связано много неоднозначно решаемых вопросов.

Например, что имеется в виду под актуальностью последствий произошедшего уже действия для плана настоящего? Ю. С. Маслов понимает эту актуальность довольно широко – это некие «последствия для субъекта действия, для его объекта или для всей ситуации в целом, некое новое состояние, новое „положение дел”» [Теория функциональной грамматики, 2017, с. 195].

Грамматический статус перфекта оценивается неоднозначно. В сфере перфекта различают языковые средства, относимые к эксплицитной и имплицитной перфектности. Первая, называемая «шахматовским перфектом», связана именно с краткими страдательными причастиями на *-н/-т*, а в говорах – с предикативными деепричастиями на *-ши/-вши* [Теория функциональной грамматики, 2017, с. 197]. А. А. Шахматов рассматривал предикативные причастия именно как грамматическую форму перфекта [Теория функциональной грамматики, 2017, с. 197]. Такого же мнения придерживался Л. Л. Буланин: «Мы подходим к перфекту как к одному из времен глагола, занимающему определенное место в временной системе русского языка» [Буланин, 1986, с. 45]. Причем он отмечал, что перфект в прямой речи наиболее специфичен, так как незаменим никакой другой формой пассива: «(188) – *Товарищи, пожалуйста, проверьте, **выключены** ли у вас [**выключили** ли **вы**] те электроприборы, которыми вы в данное время не пользуетесь* (обычное обращение по телевидению поздно вечером); (189) – *Игра **остановлена** [**остановили**]*» [Буланин, 1986, с. 47]. Признавая, что перфект в прямой речи легко можно заменить претеритом с суффиксом *-л*, Л. Л. Буланин вместе с тем подчеркивал, что для претерита перфектное значение – это частное временное значение, возникающее в контексте, в то время как перфектное значение перфекта – это основное грамматическое значение, не зависящее от контекста [Буланин, 1986, с. 51].

Ю. С. Маслов не разделял этого мнения, указывая на ущербность «шахматовского» перфекта, проявляющуюся в залоговых, видовых, временных особенностях, а также в лексических ограничениях на образование этой формы [Теория функциональной грамматики, 2017, с. 197–198]. Вместе с тем он признавал, что «...в сфере предиката специализированным средством выражения обеих разновидностей перфектного значения (акционального и статального – С. Ю.) (не совмещающим этого значения с другими) является «шахматовский перфект» в его чистом виде, т.е. без добавления каких-либо форм глагола *быть*. Очевидно, именно «шахматовский перфект» следует

считать центром соответствующего ФСП (функционально-семантического поля – С. Ю.) в русском литературном языке» [Теория функциональной грамматики, 2017, с. 201]. Таким образом, вопрос о существовании перфекта как грамматической формы в современном русском языке оценивается неоднозначно. Как бы ни интерпретировались краткие страдательные причастия с суффиксами *-н* и *-т* в современном русском языке, именно они продолжают играть наиболее значительную роль в выражении значения перфекта. Их лексическое значение также способствует актуализации перфектной семантики: как правило, это действия, которые завершаются определенным состоянием, причем действие относится к плану прошедшего, а состояние – к плану настоящего. Например: «(194) *Становиха побледнела. – Пойдемте, – сказала она тихо, ломая руки. – Он у меня в бане **спрятан** [я спрятала]...* (Чехов. Шведская спичка)» [Буланин, 1986, с. 48]. «(224) *Вошел адъютант Панфилова. – Лошади **оседланы** [оседлали], товарищ генерал (Бек)*» [Буланин, 1986, с. 50].

Центральное положение причастий в ФСП перфектности вполне закономерно, учитывая их результативность, а также то, что именно они (хотя и другой их разряд) выступали в составе древнерусского перфекта и плюсквамперфекта.

Утрата перфекта в качестве грамматической формы не является характерной особенностью исключительно русского языка. В. А. Плунгян отмечает эволюционную (или диахроническую) нестабильность перфекта, считая ее наиболее яркой и универсальной чертой перфекта в разных языках; он предлагает также характерную модель его развития «от результатива к перфекту и далее к (перфективному или нейтральному) претериту, сохраняющему и результативные употребления» [Плунгян, 2016, с. 23]. Очевидно, такая нестабильность обусловлена двойственной временной семантикой перфекта, что предполагает некоторую неопределенность на уровне контекстуальной прагматики – колебания между действием и состоянием, вызванным этим действием.

Процессы грамматикализации и лексикализации в процессе формирования грамматических систем разных языков привлекают в настоящее время широкое внимание ученых, поскольку позволяют объяснить закономерности взаимодействия лексики и грамматики, направления эволюции грамматических систем [Майсак, 2005; Князев, 2007; Всеволодова, 2018; Новоспаская, Авагян, 2021; Годизова, Габисова, 2024 и др.].

Итак, как видно из вышеизложенного, с периода древнерусского языка по настоящее время с системой причастий произошли значительные изменения. И в современном русском языке причастия остаются нестабильным классом слов: они в большой степени подвержены адъективации, то есть утрате глагольных грамматических категорий, вследствие чего семантика процессности и глагольные грамматические категории перестают быть актуальными в них [Буланин, 1986]. Эта утрата глагольности в них может происходить в большей или меньшей степени. Например, Л. Л. Буланин приводит контексты употребления причастий, подробно анализируя степень проявления в них глагольных грамматических категорий вида, времени (относительного), залога: «(112) Я упомянул только об одном смотре, **проведенном** в округе наркомом С. К. Тимошенко (Жуков). (122) «*Попрошу, Ваше превосходительство, переслать вот этот пакет, после моей смерти, морскому министру!*» – указал глазами адмирал на большой **запечатанный** пакет, лежавший на столике около кровати (Станюкович. Грозный адмирал). (127) ... С генуэзской крепости едва различить кажущийся неподвижным темный корпус парохода, длинный хвост серого тающего дымка и две мачты, стройно **наклоненные** назад (Куприн). (128) .... В двери, **рассеченной** пополам беспощадным пробором и линией золотых пуговиц кителя, стоял мичман Гудков (Соболев)» [Буланин, 1986, с. 30, 31, 33, 34].

При оценке процесса адъективации мы не учитываем случаи, когда трансформируется лексическое значение причастий, то есть развиваются метафорические значения. Такие типы функционирования следует относить к безусловным прилагательным, подвергшимся семантическому сдвигу и вследствие этого приобретшим грамматические особенности прилагательных (формы степеней сравнения, краткие формы), утратившим соотносительность с другими глагольными формами: «У него **уставший** вид при невозможности: ?У него **устал** вид» [Морфология современного русского языка, 2013, с. 484].

Причастия лишены категории наклонения, но способны к выражению ирреальной модальности в контексте подобно другой неличной форме глагола – инфинитиву [Шелякин, 1989; Козинцева, 2002; Сай, 2015]. Это касается действительных причастий настоящего времени, которые в тексте могут приобретать семантику модальности, близкую к значению сослагательного наклонения или будущего времени, – действие желаемое или ожидаемое, например: «*Ждали смелых конструктив-*

*ных решений, пресекающих (= которые пресекали бы, будут пресекать) рост инфляции, Сегодня уже очевидно, что между бизнесом и обществом нужен надежный посредник, определяющий (= который определял бы, будет определять) правила игры и контролирующей (= который контролировал бы, будет контролировать) их соблюдение» [Шелякин, 1989, с. 227; Козинцева, 2002, с. 103]. В художественном и публицистическом стилях действительные причастия прошедшего времени могут употребляться с частицей *бы*.*

Следует заметить, что в древнерусском языке модальность основного глагольного сказуемого распространялась на амодальное причастие, что было обусловлено тесной связью личной и причастной форм, например: «...и **встань**, **прииди** семо» (И *встань*, *приди* сюда – С. Ю.). В условных предложениях ирреальное наклонение главного сказуемого также распространялось на амодальное причастие, так как действия причастий являлись необходимым условием действий глагола. Подобная причастная конструкция допускала трансформацию в условное придаточное предложение. Ср.: «...и **азь**, **пришед**, **взяв** бых свое с лихвою» (И я, если *бы* *пришел*, *взял бы* свое с лихвою – С. Ю.).

В последнее время все более активно обсуждается вопрос о причастиях будущего времени, способных заполнить недостающую нишу в соответствии с временной парадигмой личных форм глагола. Некоторые исследователи полагают, что причастия будущего времени в XXI веке становятся все более употребительными и со временем могут стать нормативными [Гловинская, 2010; Эпштейн, 2007]. Восполнение лакун в системе формообразования является одним из направлений грамматикализации.

Однако следует отметить, что причастия будущего времени – это не реалия сегодняшнего дня, они были довольно употребительны и в XVIII–XIX веках. Утверждая, что их частотность значительно выросла, следует провести анализ их функционирования в разных стилях: в художественной литературе, по подсчетам, произведенным нами на основании данных Национального корпуса русского языка, значительного их роста не прослеживается; в большей степени они употребляются в публицистике, но не существенно [Годизова, Каркузаева, 2021]. И хотя мы не исключаем, что под давлением системы языка причастия будущего времени могут со временем стать нормой, все же тот факт, что причастия обозначают действие как уже данное в его носи-

теле является серьезным препятствием в этом процессе.

Заключение

Таким образом, диахронический анализ причастий позволил установить следующие процессы грамматикализации и лексикализации, произошедшие в их системе: образование из именных действительных причастий деепричастий, специализирующихся на функции полупредикативности и употребляющихся в односубъектных конструкциях с основным предикатом-сказуемым; замена разветвленной претеритальной временной системы одной формой прошедшего времени, представленной причастием с суффиксом *ль*; утрата грамматических форм перфекта и плюсквамперфекта и выражение перфектной семантики причастными и личными формами глагола СВ и НСВ, из которых первостепенную роль играют краткие страдательные причастия с суффиксами *-н/-т* вследствие своей специфической семантики: «значение результата действия, наличествующего в настоящем» [Буланин, 1986, с. 47]; приобретение краткими страдательными причастиями СВ с суффиксами *-н/-т* грамматической функции пассива в залоговой оппозиции с активом, выраженным личными формами СВ.

В современном русском языке причастия остаются нестабильным классом слов, о чем свидетельствуют процессы их массовой адъективации, случаи функционирования причастий будущего времени, способность выражения причастиями ирреальной модальности и преодоления ими парадигматических ограничений в определенных условиях контекста.

Столь значительные преобразования системы причастий в процессе исторического развития и их нестабильность в современном русском языке можно объяснить двойственной природой причастий, включающей глагольные и адъективные признаки, их балансированием между глаголом и прилагательным.

Библиографический список

1. Буланин Л. Л. Категория залога в современном русском языке. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1986. 86 с.
2. Всеволодова М. В. Некоторые проблемы современной русской грамматики и категории грамматикализации // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2018. № 5. С. 194–228.
3. Гловинская М. Я. Потенциальные глагольные формы // Современный русский язык: система – норма – узус. Москва : Языки славянских культур, 2010. С. 171–199.
4. Годизова З. И., Каркузаева Д. В. Динамика развития причастия как особой гибридной формы глагола // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 3. С. 137–142.
5. Годизова З. И., Габисова Д. В. Процессы грамматикализации и лексикализации в системе русского глагола // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22. № 2. С. 5–16.
6. Замятина И. В. Причастие как двуприродная грамматическая форма *participle as a du o-natural grammar form* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2009. № 3. С. 26–30.
7. Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. Москва : Языки славянских культур, 2007. 704 с.
8. Козинцева Н. А. Конструкции с причастными оборотами как средство выражения таксиса // Основные вопросы русской аспектологии. Санкт-Петербург : Наука, 2002. С. 99–113.
9. Колочкова О. В. Грамматическая неоднородность адъективированных причастий в современном русском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. №1. С. 116–120.
10. Кунавин Б. В. Причастная клауза в истории русского языка // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21. № 6. С. 76–87.
11. Кунавина И. И. Грамматический статус причастия в современном русском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 2. С. 68–73.
12. Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. Москва : Языки славянских культур, 2005. 480 с.
13. Морфология современного русского языка. Санкт-Петербург : СПбГУ, 2013. 639 с.
14. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorp.ru> (дата обращения: 10.08.2024, 15.08.2024).
15. Новоспасская Н. В., Авагян А. А. Однонаправленность грамматикализации в современной лингвистике // Вестник РУДН. Серия: Теория языка, семиотика, семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 89–104.
16. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. Москва : РГГУ, 2011. 672 с.
17. Плунгян В. А. К типологии перфекта в языках мира: предисловие // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. 12. № 2. С. 7–36.
18. Сай С. С. Нефинитные формы сослагательного наклонения в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2015. Т. 11. №1. С. 341–368.
19. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Москва : Editorial URSS, Ленанд, 2017. 352 с.
20. Шелякин М. А. Глагол // Лопатин В. В., Милославский И. Г., Шелякин М. А. Современный русский

язык: теоретический курс: словообразование, морфология. Москва : Русский язык, 1989. 261 с.

21. Эпштейн М. Н. Есть ли будущее у причастий будущего времени? // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. Материалы Международной научной конференции. Москва : Ин-т русского языка РАН, 2007. С. 259–266.

Reference list

1. Bulanin L. L. Kategorija zaloga v sovremennom russkom jazyke = The category of voice in the modern Russian language. Leningrad : Izd-vo LGU, 1986. 86 s.

2. Vsevolodova M. V. Nekotorye problemy sovremennoj russkoj grammatiki i kategorii grammatikalizacii = Certain problems in modern Russian grammar and the category of grammaticalization // Vestnik MGU. Ser. 9. Filologija. 2018. № 5. S. 194–228.

3. Glovinskaja M. Ja. Potencial'nye glagol'nye formy = Potential verb forms // Sovremennij russkij jazyk: sistema – norma – uzus. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2010. S. 171–199.

4. Godizova Z. I., Karkuzaeva D. V. Dinamika razvitiya prichastija kak osoboju gibridnoj formy glagola = Dynamics of the evolution of the participle as a special hybrid form of the verb // Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija. 2021. T. 27. № 3. S. 137–142.

5. Godizova Z. I., Gabisova D. V. Processy grammatikalizacii i leksikalizacii v sisteme russkogo glagola = Grammaticalization and lexicalization processes in the Russian verb system // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2024. T. 22. № 2. S. 5–16.

6. Zamjatina I. V. Prichastie kak dvuprirodnaja grammatičeskaja forma participle as a duo-natural grammar form = Participle as a duo-natural grammatical form // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2009. № 3. S. 26–30.

7. Knjazev Ju. P. Grammatičeskaja semantika: Russkij jazyk v tipologičeskoj perspektive = Grammar semantics: The Russian language in typological perspective. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007. 704 s.

8. Kozinceva N. A. Konstrukcii s prichastnymi oborotami kak sredstvo vyrazhenija taksisa = Constructions with participial phrases as a means of expressing taxis // Osnovnye voprosy russkoj aspektologii. Sankt-Peterburg : Nauka, 2002. С. 99–113.

9. Kolochkova O. V. Grammatičeskaja neodnorodnost' ad#ektivirovannyh prichastij v sovremennom russkom jazyke = Grammatical heterogeneity of adjectival participles in the modern Russian language // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 9. Filologija. Vostokovedenie. Zhurnalistika. 2011. №1. S. 116–120.

10. Kunavin B. V. Prichastnaja klauza v istorii russkogo jazyka = Participle clause in the history of the Russian lan-

guage // Vestnik VolGU. Serija 2: Jazykoznanie. 2022. T. 21. № 6. S. 76–87.

11. Kunavina I. I. Grammatičeskij status prichastija v sovremennom russkom jazyke = Grammatical status of the participle in the modern Russian language // Aktual'nye problemy filologii i pedagogičeskoj lingvistiki. 2016. № 2. S. 68–73.

12. Majsak T. A. Tipologija grammatikalizacii konstrukcij s glagolami dvizhenija i glagolami pozicii = Typology of grammaticalization of constructions with motion verbs and position verbs. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2005. 480 s.

13. Morfologija sovremennogo russkogo jazyka = Morphology of the modern Russian language. Sankt-Peterburg : SPbGU, 2013. 639 s.

14. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = National Corpus of the Russian Language. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashhenija: 10.08.2024, 15.08.2024).

15. Novospasskaja N. V., Avagian A. A. Odnopravlenost' grammatikalizacii v sovremennoj lingvistike = Unidirectional grammaticalization in modern linguistics // Vestnik RUDN. Serija: Teorija jazyka, semiotika, semantika. 2021. T. 12. № 1. S. 89–104.

16. Plungjan V. A. Vvedenie v grammatičeskuju semantiku: grammatičeskie znachenija i grammatičeskie sistemy jazykov mira = Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages. Moskva : RGGU, 2011. 672 s.

17. Plungjan V. A. K tipologii perfekta v jazykah mira: predislovie = Towards typology of the perfect tense in the world languages: a preface // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvističeskikh issledovanij. 2016. T. 12. № 2. S. 7–36.

18. Saj S. S. Nefinitnye formy soslagatel'nogo naklonenija v russkom jazyke = Non-finite forms of the subjunctive mood in the Russian language // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskikh issledovanij. 2015. T. 11. №1. S. 341–368.

19. Teorija funkcional'noj grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaja lokalizovannost'. Taksis = Theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis. Moskva : Editorial URSS, Lenand, 2017. 352 s.

20. Sheljakin M. A. Glagol = The verb // Lopatin V. V., Miloslavskij I. G., Sheljakin M. A. Sovremennij russkij jazyk: teoretičeskij kurs: slovoobrazovanie, morfologija. Moskva : Russkij jazyk, 1989. 261 s.

21. Jepshtejn M. N. Est' li budushhee u prichastij budushhego vremeni? = Do participles of the future tense have a future? // Lingvistika i pojetika v nachale tret'ego tysjacheletija. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva : In-t russkogo jazyka RAN, 2007. S. 259–266.

Статья поступила в редакцию 19.12.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.

The article was submitted on 19.12.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025